

ВСТРЕЧА С ФЛОРЕНЦИЕЙ

487

В. ЯКОВЛЕВ

1847

В девять часов утра, которое было ясно и жарко, мы увидели Флоренцию. В глубокой обширной долине, обставленной зеленеющими холмами, белеется целое море домов и палаццов; над ними встают изящные колокольни и огромные куполы, покрытые черепицей. Все это уменьшено далью — и удивительно картинно. Множество вилл и монастырей со всех сторон отделились от города и бегут по холмам; некоторые уже взобрались на вершины, другие прячутся в зелени или под тенью кипарисов... Наконец, я в Афинах Италии, в великом царстве искусства, в отечестве Данта и Микеля Анджело. Благословенная земля эта древняя Этрурия; благородный город Флоренция.

В. ЯКОВЛЕВ. *Италия в 1847 году*. СПб., 2012. С. 433–434.

А. БЕНУА

1894

488

Наконец мы во Флоренции! По фотографиям, гравюрам, по описаниям в книгах и по рассказам я успел изучить чудесный город задолго до того, что в нем побывал, но сколько еще тут, на месте, оказалось неожиданного и прекраснейшего! Самое это сочетание чего-то очень строгого, почти мрачного с чем-то необычайно ласковым — уже одно это сразу пленило... Мы уже через день стали себя чувствовать как дома. Стоило выйти на улицу Calzaioni, на которую глядели окна нашего albergo, как особая атмосфера какой-то домашности нас окутывала и не покидала нигде: ни в музеях, ни в церквах, ни в ресторане.

А. БЕНУА. *Мои воспоминания*
(1894). М., 1990, кн. IV, с. 35-36.

И. ГРЕВС

1890

Живо помню я то, что испытал, когда в первый раз еще в юности попал в чудный город, куда хотел бы теперь направить всех желающих понимать, чувствовать и любить историческую красоту... Я въехал во Флоренцию ненастным сентябрьским вечером с сердцем, переполненным восторгом от впервые пережитых в Италии впечатлений: я только что перед тем перебрался пешком через Сен-Готард, пробыл день на Комском озере и целое утро провел под сводами и на крыше Миланского собора... Теперь, спрятавшись под кожаный верх извозчичьего фаэтона от потоков падавшей с неба воды, я спешил на ночлег, утомленный волнениями новизны. На мгновение сквозь капли дождя при колеблющемся свете уличных фонарей перед глазами предстал грандиозный образ собора. Вновь поднялись от промелькнувшего силуэта незнакомого великолепного памятника улегшиеся было под влиянием усталости чувства: “Неужели я здесь? — думалось. — Какое очарование!” Но все скрылось за поворотом; мы въехали в узкую улицу: освещенный подъезд отеля, лестница, покрытая ковром, симпатичная комната, чистая постель и давно ожидаемый отдых... Скоро, однако, меня разбудили музыкаль-

ные звуки, раздававшиеся с улицы: отличный, казалось, мужской теноровый голос пел народный романс, пел вдохновенно, артистически. Тотчас встрепенулась душа, вспомнилось, что здесь — страна художников, ярко представилась первая сцена “Трех встреч” Тургенева... Я открыл окно и выглянул наружу: прояснилось; луна освещала только наполовину, не проникая лучами до мостовой, улицу, обстроенную высокими домами. Напротив поднимался старый дворец, похожий на крепость, с зубчатой башней; на ней часы пробили двенадцать ударов. Справа на площади, в которую впадала улица, виднелась удаляющаяся группа людей в плащах; один из них продолжал громко петь, другие вторили и, посмеиваясь, болтали. Тревога ожидания чего-то необычайно хорошего поднялась в душе от этого неожиданного эпизода. Все кругом чувствовалось невыразимо прекрасным; как бы совсем реально ощущалась вокруг огромная историческая глубина; она оживляла воображение, к ней влеклось испытующее внимание... Флоренция была первым итальянским городом, с которым мне удалось сродниться: она научила любить Италию, она подготовила к изучению и пониманию Рима. К ней на-

правляется благодарное чувство... Думаю, что всякий ум, жаждущий правды, всякая душа, восприимчивая к человечности, получит от Флоренции нечто единственное и незаменимое, без чего личность его останется в некоторых отношениях недоконченной.

И. М. ГРЕВС. *Научные прогулки по историческим центрам Италии. Очерки флорентийской культуры* (1902). М., 1903, с. 12-13.

Б. ЗАЙЦЕВ

1907

492

Уже за Сен-Готардом, пока летишь еще Швейцарией, начинается это играние в груди: скоро уже, скоро она. И все ниже, ниже, в долины Ломбардии! Вечер. Тучно во-круг, дышишь пшеницей и садами плодовыми, а вдали все та же звезда: чудный город Флоренция. Но надо помучиться еще ночью от Болоньи, в тихеньком местном поезде; впрочем, стоит он на станциях долго, и так тихо и черно ночью, так звезды весенние играют и соловьи заливаются: флорентийские уже соловьи! А утром, на раннем рассвете, спускаетесь вы с Апеннин и мчитесь в розовато-дымную долину: там Арно, Пистойя, Флоренция, и Данте, и другие. С гор стекает свежесть; облака курятся — и она ждет вас — светлая, розовая, божественная Флоренция, Киприда Боттичелли с гениями ветров и золотыми волосами. Восходящее солнце, надежды, вокзал, сутолока <...> — и сразу вы в самом сердце ее. И прямо перед вами Санта-Мария Новелла. Легкие, светлые улочки вокруг, с веселыми ослиами, продавцами, крестьянами тосканскими; рынки с запахами овощей — и Божий воздух, изумительная легкость духа, колокольни, монастыри в цветах — вечное опьянение сердца. Надо отыскать альберго, стащить туда вещи, выспаться сном

пламенным, помолодеть — и начать жить райской флорентийской жизнью. Эти дни будут особенные — предстоит блаженное процветание в свете, искусстве, не-рассказываемой прелести. Не позабудешь их.

Б. К. ЗАЙЦЕВ. *Флоренция. Молодость* (1907) // Собрание сочинений в 7 тт. Петербург — Берлин, 1923, т. 7, с. 27-28.

ОБЩИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ О ФЛОРЕНЦИИ

494

С. ФЛЕРОВ

1882

Знаете ли вы, что такое Флоренция? Здесь все как-то светло и радостно, как-то гармонично, приветливо, прекрасно. Весь окруженный зелеными холмами, мирно покоится среди них белый, мраморный город, залитый зеленью и цветами, овеваемый удивительно мягким, душистым, благорастворенным воздухом. Легко и свободно дышится в bella Firenze. Ничто не смущает чувства, ничто не наводит трепета. Вы также беседуете здесь с прошедшим, но это прошедшее говорит вам: смотри, как хорошо под этим голубым небом, среди цветов и теплого воздуха! Смотри, как прекрасна жизнь, как

она облагоустроена искусством! Смотри, какой удобный, прелестный уголок создан здесь, уголок, весь залитый цветами, весь украшенный мозаикой, дворцами, садами, статуями, картинами; смотри, как хороша красавица Флоренция! Слыхали вы, как “ахают” дети, когда они увидят что-нибудь хорошее? Во всем свете не найдется ничего, что было бы милее, симпатичнее, радостнее детского восторга; звуки этого милого детского “ах!” вы различите среди тысяч голосов и шумов, и в то мгновение, когда он коснется вашего слуха, в душе вашей непременно сверкнет, как солнечный луч, теплое, светлое чувство... Мы с вами не дети, мы не ахаем, мы не можем так ахать, как они. Но, кажется мне, единственное, что сохранили мы еще общего с удивительной чистотой и правдивостью детского возраста, это единственное состоит в той светлой радости, которая внезапно озаряет нашу душу при виде какого-нибудь чудного произведения искусства. Такое радостное, светлое чувство испытываете вы во Флоренции.

С. ВАСИЛЬЕВ <С. В. ФЛЕРОВ>. *Картинки Италии. Письма из Рима и Флоренции.* М., 1894, с. 309–312.

И. АННЕНСКИЙ

1890

496

Флоренция преинтересный город. Странное впечатление производят узкие улицы, вымощенные, как тротуар. Толпа мало ходит по тротуару, а все посреди улицы. Тяжелые omnibusы кажутся еще выше и огромнее оттого, что кучер сидит высоко, почти на самой крыше вагона. Он вооружен огромным бичом, которым то и дело хлопает. Это и вместо нашего “берегись”, и для острастки лошадям. Им от этих бичей, вероятно, так же мало больно, как клоунам от плюх в цирке. Загадка положительно, как разъезжаются здесь omnibusы, экипажи. Вот на мосту слышится какой-то дикий крик — сначала он меня очень удивлял: это ослик в красной уздечке или с торбой под мордой запрягился, а не то испугался. Еще диче, кажется, кричат разносчики разной дрянью: специальным продуктом здешним — восковыми спичками, с водой, со свежими газетами. Вот среди улицы торжественно движется коляска: на подножках стоят какие-то болваны в красных фесках и раздают направо и налево программы сегодняшнего вечера в кафешантане. Заезжий цирк выставил афиши, которые можно прочесть за версту. Оперетка высылает свои афиши на длинных лучинах — их носят мальчишки среди улицы. Несмотря на живость итальянцев, толпа на улице

чрезвычайно сдержанная. Я никогда еще не увидел ни одного скандала, хотя шатался Бог знает по каким закоулкам, я не встретил даже ни одного пьяного. Жандармы в своих фраках с серебряными пуговицами, башмаках и треуголках, ремень от которых держится на подбородке, ходят, кажется, больше для красоты, чем для порядка. В толпе взгляды, мои, по крайней мере, невольно как-то падают на женщин, ах, как хороши здесь женщины, девушки особенно: любимый цвет летнего платья — крем. Из-под белой или бледно-палевой шляпки выглядывают глаза, на которые где-нибудь на Морской стали бы смотреть как на диковинку. Газ на шляпе, иногда простой цветок, тоненькая талия, загорелая ручка в митенке или голая, черный веер и эти чудные завитки волос на лбу и на стройной шейке — вот молодая итальянка. Почти никогда не увидишь плаксивого или надутого лица. В поступи какая-то самоуверенность, турнюра нет, нога в ажурном башмаке. Еще выделяется из толпы итальянский офицер. В своем широком пиджаке, в оттянутых серых с красными лампасами рейтузах, в маленькой кепи, бритый, с щегольскими усами и той особенно красивой и изящной вежливостью, которая дается одним итальянцам...

Письмо Н. В. Анненской, 4 июля 1890 г.

И. ГРЕВС

1902

498

Во Флоренции нет поражающих обширностью площадей, как в Риме; нет таких грандиозных проспектов, как в Париже и Вене; нет роскошных новых общественных сооружений и частных домов, как в нынешнем Берлине... Вообще же флорентийские площади загромождены, улицы узки, нередко грязны; рядом с громадными, роскошными домами иногда до сих пор попадаются в непосредственной близости к самым фешенебельным частям города почти лачуги, выцветшие, проеденные плесенью. Общая картина первоначально покажется даже, может быть, несколько мрачной, вид домов чересчур однообразным; среди зданий много недоконченного, но много уже разваливающегося; слишком давит масса камня, сплошного, серого или желто-красного... Со строгих дворцов глядит богатая, сильная старина. Построенные из огромных, необделанных глыб, они гордо выставляют вперед каменную щетину своих стен, крепкие ворота, решетчатые окна и почерневшие углы. Рядом с суровыми остатками феодальных бурь отовсюду, впрочем, вырываются веселый вкус и счастливое изящество более поздних веков. Наконец, и новые дома так типично однородны, так гармонируют, несмотря на известную

мягкость их форм, с монументальными palazzi давних времен: они характерно воплощают совсем особый то-сканский домашний стиль, солидный и приветливый. Богатые строения иногда облицованы или, по крайней мере, украшены мрамором; на разноцветных поверхностях его оживленно играют солнечные блики и пятна тени. Милые светлые “лоджи” на коринфских колоннах, открытые воздуху и солнцу, разнообразят гладкие фасады. Чувствуется, что гражданское зодчество легко высвобождается здесь из-под давления феодального предания, сохраняя от воинственного (готического) средневековья лишь черточку своеобразия или фантастичности; что естественное направление развития возвратило его быстро к стройным и простым формам классической древности... Нет ни одного города, где бы произведения искусства были рассеяны в таком разнообразном множестве, так поэтично-просто, на свободе... Громадная сила разлитой повсюду красоты, смягченная удивительной ее тонкостью, манящей к себе внутренней теплотой и бесхитростной прелестью, победоносно оттеснит кажущуюся суровость и некоторую сухость, которые могут представиться сначала и обмануть первый взгляд.

И. М. ГРЕВС. *Научные прогулки по историческим центрам Италии. Очерки флорентийской культуры* (1902). М., 1903, с. 12–13, 24–26.

И. ГРЕВС

1900-е

500

Флоренция пережила грозную цепь трагических эпох; вся история ее воплощает непрерывную борьбу контрастов добра и зла; но она ее преодолела, победила дуализм, выковала гармонию, и глубокий, светлый мир духовный глядит на нас из ее неумирающих, чудных, вдумчиво мягких очей, полных неисчерпаемого содержания человечности, или она приглашает погрузиться в ее широкое лоно удивленного, взволнованного путника-паломника. И она не обманет. Он выйдет из нее одухотворенным и еще не один раз вернется под ее нестареющий, материнский кров — просвещаться и очищаться преданиями вечного, которые она незыблемо-радостно хранит. Единством заслуженной собственным подвигом гармонии веет на меня от милого, неотразимого лица Флоренции, миром и успокоением звучат ее уста через голос большого колокола, много раз в день раздающегося с высоты джоттовской кампаниллы у Santa Maria del fiore таким глубоким и вместе тихо-умиротворяющим звуком. Будто он гласит “*paх omnibus*” <мир всем — *лат.*>, или как будто еще — “*in terra et in caelis*” <на земле и на небесах — *лат.*> и солнце флорентийское, не сжигающее и летом, но нежно греющее и все крася-

ще мягкими цветами даже зимою, также окутывает вас доброю Humanitas <Человечностью — лат.>: нет, не должно быть зла и раздоров.

И. М. ГРЕВС. *Моя первая встреча с Италией* //
Россия и Италия. М., 1993, вып. 1, с. 296.

В. БРЮСОВ

1902

502

“Город летучих мышей” — вот лучшее определение для Флоренции летом. Теперь, когда в центральной Италии зной, когда даже лошади падают на мостовых от солнечного удара, вся жизнь Флоренции направлена на то, чтобы сыскать прохлады. Во Флоренции просторные темные церкви, где всегда светло и где свет ослаблен темными стеклами. Крыши домов спускаются над стенами такими навесами, что почти совсем закрывают небо, защищая на узких улицах даже от отвесных лучей. Во всех домах вместо подъезда обширные, высокие, тоже прохладные сени. Окна все со ставнями, с жалюзи, и очень сложного устройства. Веера продаются везде: в магазинах, на улицах, в кафе; ими пользуются и дамы, и мужчины, и богатые, катающиеся в колясках, и нищие, просящие милостыню; у пятилетних девочек уже есть свой веер на цепочке из венецианского бисера. Прохладительные напитки, лимонад, тамаринд, кокосовое молоко, разные сиропы с сельтерской водой истребляются в невероятном количестве. Лучшие сорта питьевой воды продаются в запечатанных бутылках. Настоящая жизнь во Флоренции начинается вечером, после восьми часов. Утром можно видеть только туристов, посещающих му-

зеи и картинные галереи. Перед обедом бывает небольшое катание в Кашине (Булонский лес или Петровский парк Флоренции), но только в восемь часов улицы действительно наполняются. Именно в этот час дети начинают играть в песок и салки, а их няньки, сидя на скамейках, любезничают с солдатами в пестрых мундирах. Именно в этот час на улицах шум, говор, щелканье бичей, музыка и пение. Городские оркестры играют каждый вечер в двух-трех местах, но, кроме того, везде устраиваются серенады: группы молодых людей, взяв в руки гитары и мандолины, бродят по улицам, распевая арии. По тосканскому обычаю даже похороны совершаются по вечерам. Неопытный путешественник, встретив в одиннадцатом часу ночи гроб и факельщиков с закрытыми лицами (тоже местный обычай), может испугаться и подумать, что вернулись времена флорентийской чумы, описанной в “Декамероне”. Ничуть не бывало, это повседневное явление. А между тем сверху, под нависшими крышами, шныряют без конца летучие мыши, тоже, как флорентийцы, избегающие дневного света, и вдоль стен мелькают вечерние жучки, сверкающие фосфорическим блеском, которых здесь столько же, как у нас мух.

Л. КАРСАВИН

1906

504

При незначительности размеров улиц и площадей в городе, вид с окрестных гор дает даже больше чем панораму — он позволяет охватить глазом те здания, целое которых вблизи исчезает... Несмотря на каменные стены, как-то особенно приятно и интимно гулять по этим узким улицам и кое-где в просветах смотреть на Флоренцию. И в этих прогулках-дорогах в самом городе есть какая-то интимность и близость, какая-то неопределимая, не ослепляющая, но полная красота.

Письмо И. М. Гревсу, 16 июля 1906 г.

Б. ЗАЙЦЕВ

1907

505

Только что вышел из альберго, окунулся в светлый воздушный огонь; надо надвигать шляпу глубже, это уже солнце Флоренции; но оно не душит; дышится так же легко и вкусно, как и не в такой жар; напротив, так и глотаешь этот воздух живоносный и радостно-жгучий... Уже ждут пылкие улочки Флоренции и разные ее святые места, и тут же смешной и милый Mercato Centrale, рынок, где рядом с великой капеллой Медичи те же самые итальянцы, потомки, может быть, медичисов, микель-анжельцы, торгуются, ярятся, произносят речи в пользу головных шпилек или фунта вишен — о, за свои чентезими они постоят! Но на этом рынке, среди улиц и стройности внутренней все так не гнусно — напротив, веселое, детское, даже бессмертное есть в этих чинкванта чинкве чентезими, экко, ундичи, отто сольди, синьоре, отто сольди. И когда из ловкой суетни уходишь прочь, в тишайший монастырь Сан-Марко, как непохоже и как родственно, духовно совместимо! Там, в полуверсте, глотку надрывали из-за полусольди; здесь вечный, благосклонный мир, но это ничего, все это детища единого духа Италии... И далее — выйдете на улицу, охватит она вас ритмом, стройностью — вас уже убедили, что да,

так и надо, в этом божественном горне — Флоренции — сплавляются Кастаньо и Беато Анджелико. Ибо есть в ней нечто от древней, бессмертной гармонии, где всё на месте, всё нужно и в мудром сочетании принимает побудительный, неуязвимый оттенок. Таково впечатление: тлен не может коснуться этого города, ибо какая-то нетленная, объединяющая идея воплотилась в нем и несет жизнь. Называли Флоренцию Афинами; это понятно и верно, это сродно самим богам ионическим, эллинской кругообразности, светлости мрамора; только плюс христианство, которым многое еще осветлено, еще оласковано.

Б. К. ЗАЙЦЕВ. *Флоренция. Молодость* (1907) // Собрание сочинений в 7 тт. Петербург — Берлин, 1923, т. 7, с. 28–30.

П. МУРАТОВ

1911-1912

Церковь Сан-Миниато и ведущую сюда лестницу Данте называет в двенадцатой песне “Чистилища”. Он приводит ее затем, чтобы показать, как высоки и трудны для смертного были лестницы, иссеченные в склонах священной горы. Вспоминая ее, он опять вспоминает свою Флоренцию. В то время, когда складывались эти строки, он мысленно был здесь, у Сан-Миниато. Его душевный взор летел отсюда над мостом “Рубаконте” и над всем городом, имя которого его горькая ирония скрывает в словах “la ben guidata” <“юдоль порядка”>. Так это место поэмы доводит до нас горечь разлуки, испытанную Данте, и силу его мечты увидеть снова Флоренцию с высот Сан-Миниато. Ему не суждено было дожить до такого счастья — счастья, которое стало слишком легким достоянием каждого из нас. Мысль об этом должна всегда сопутствовать, как тень великой печали, даже нашим обычным вечерним прогулкам на площадке вокруг бронзового Давида. Нынешняя Флоренция, видимая от Сан-Миниато, мало чем похожа на ту, к которой летело когда-то воображение Данте. За шестьсот лет не переменялись в ней лишь Сан-Джованни, лишь этот мост “Рубаконте” или “алле Грацие”, да еще высокие темные

стены францисканской церкви Санта-Кроче. За мостом и вокруг церкви все стало другим, все говорит о новых столетиях и новых людях. Видя краснеющие купола собора и Сан-Лоренцо, мы задумываемся над сложной и превратной судьбой города, над его великолепной жизнью и над славой его бесчисленных гробниц. И все-таки сердце подсказывает, что это Флоренция, та самая Флоренция Данте, святыня, за которую он мог положить свою душу, суровую и нежную. В ней что-то навсегда осталось от тех времен, в чистоте и строгости ее очертаний, в синеве ее блаженной долины, в изгибе Арно, текущего с гор Казентина. Она запечатлевается отсюда в одном взгляде, памятном и хранимом потом на всю жизнь. И нет, кажется, человека, в ком этот хорошо известный “общий вид” Флоренции не пробуждал бы чувства близости к высшей, чем земная, красоте... Флоренция внушила ему <Данте> эту любовь к миру и иным мгновениям короткой жизни, ради которых можно забыть даже о пути к блаженству. Не делает ли она более ценным существование каждого из нас, ее мимолетных гостей? Этот город, такой обыкновенный в своих лавках, новых домах, новых улицах, где-то хранит для каждого

целый клад еще незнакомых чувств, еще не изведанных по тонкости впечатлений. Но даже обыкновенное скоро перестает здесь быть таким, по мере того как жизнь путешественника обращается в поклонение и сам он из простого любопытного становится пилигримом, — любимое Данте слово! Есть общее в том, как воспринимается Флоренция, с впечатлением от чтения “Божественной комедии”. В обеих та же стройность — стройность великолепного дерева, та же отчетливость и завершенность, та же гениальная легкость в великом. Камни Флоренции, так кажется, легче, чем камни, из которых сложены другие города. Происхождение и природа слов Данте кажутся иными, чем происхождение и природа обыкновенных человеческих слов. В самом коричневатом цвете здешних дворцов есть высшее благородство, — плащ такого цвета был бы уместен на плечах короля, скрывшего свою судьбу под судьбой странника.

П. П. МУРАТОВ. *Флоренция. От Сан-Миниато (1911-1912) // Образы Италии. М., 1994, с. 101-104.*

В. ВЕЙДЛЕ

1950-е

510

Надо видеть Флоренцию в ранней юности, да и не понять ее, пожалуй, никогда, если не взглянуть на нее юношескими глазами. Так много в ней навсегда исчезло, кончилось, прошло, но и самую смерть нельзя помыслить тут старухой. Если и встретишь ее, бродя среди жизнерадостно-многоречивых могильных плит, то не в образе скелета с разящею косою, а в виде отрока, опрокинувшего факел, — такой, как после греков, в первые века христианства видели ее: знамением, преддверием бессмертия.

В. Вейдле. *Месяц мертвых* // Вечерний день.
Отклики и очерки на западные темы. Нью-Йорк, 1952, с. 58.

“ГОРОД ЦВЕТОВ”

В. ЯКОВЛЕВ

511

1847

Гуляю здесь не иначе как с розой или букетиком помаранцевых цветов, которыми наделяют здесь всех посетителей кофейных домов две-три флорентийские гражданки, избравшие на свою долю ремесло — раздавать всем желающим цветы и улыбки gratis <бесплатно>, не отказываясь, однако ж, при случае и от легкого вознаграждения.

В. Яковлев. *Италия в 1847 году*. СПб., 2012. С. 438.

П. ЧАЙКОВСКИЙ

1878

512

Весна хотя еще не пришла совсем, но приближается быстрыми шагами. Цветов на улицах множество, есть даже мои любимые ландыши, и очень недорогие. Один вид этих милых цветов, красующихся в эту минуту на столе моем, уже достаточен, чтобы внушить любовь к жизни.

Письмо Н. Ф. фон Мекк 24 февраля 1878 г.

С. ФЛЕРОВ

1882

Не думайте, что эпитет “город цветов” есть что-нибудь иносказательное. Флоренция действительно залита цветами; их продают здесь везде; на каждом шагу, на каждом углу, под каждыми воротами. Едва я успеваю открыть утром свое окно, как я уже вижу цветы. На огромных мраморных скамьях, тянущихся вдоль стен палаццо Строщи (он как раз напротив моих окон), разложены тысячи цветов и букетов; около них постоянно толпится народ, и к полудню все цветы уже проданы; они перешли отсюда и из сотни подобных же уголков в дома, в петлицы мужского платья, на корсажи женщин, на столы, на окна, на жардиньерки. Вы пишете и читаете, завтракаете и обедаете среди цветов; вы ходите с цветами по улицам и непременно увидите цветы у каждого встречающегося вам мужчины, у каждой встречающейся вам дамы. Вечером, во время катанья в парке, вы увидите букеты во всех экипажах; еще позднее, когда вы отправитесь кончать ваш день в кофейной, вам опять дадут цветы; цветы лежат здесь перед каждым, на каждом столе, и никому не приходит в голову отказать продавщице в нескольких centesimi за ее букет; она удивилась бы, если бы вы сделали это, не взяла бы с вас денег и все-таки положила бы перед вами букетик: это обычай, это почти закон; вы начинаете и кончаете ваш день среди цветов.

513

И. ГРЕВС

1902

514

Первая прогулка по улицам Флоренции может вызвать разочарование в том, кто не отрешится от представления о привычных особенностях шаблонной красоты благоустроенных современных столиц... Садов и зелени видно с первого взгляда немного, чересчур мало для “города цветов”. Но всякий чуткий, наблюдательный человек без труда отделается от поверхностного впечатления, почувствует тут же на улицах даже притягивающую красоту... Поверх нависших крыш везде тянется полоса высокого темно-синего неба; в глубине длинной улицы на горизонте нередко раскрывается перспектива зеленоющего холма или серо-лиловая, окутанная прозрачным облаком горная вершина. Идешь и видишь порой через открытые ворота то улыбающиеся и уютные, то таинственные (“мистические”) садики. Из-за высокой ограды поднимаются роскошные кусты олеандр, все в цвету; наверху бежит галерея с хорошенькими арками, оживляя и освежая серьезную монотонность глухой стены; по колоннам и по крыше ползут и свободно свешиваются гроздья глициний...

И. М. ГРЕВС. *Научные прогулки по историческим центрам Италии. Очерки флорентийской культуры* (1902). М., 1903, с. 24–25.

У Т Р О В О Ф Л О Р Е Н Ц И И

И. ГРЕВС

515

1902

Если вы поселились на Piazza del Duomo, проснувшись рано утром, раскройте раму, полюбуйтесь картиной! В окно будет нестись мелодичный звук большого колокола с высоты джоттовской башни (звонят почти каждый час), которая и сама, позади восьмиугольного пестрого мраморного Баптистерия с остроконечной, несколько тяжелой крышей, прямо и серьезно, но вместе ласково смотрит на вас. Потом глаз естественно обратится к богато украшенному скульптурами, свежему и светлому фасаду собора Santa Maria del Fiore. Когда перенесете взгляд в другую сторону, увидите поверх сплошного ряда окаймляющих площадь высоких, гладких домов с свешивающимися вперед крышами и большими ставнями, иногда с террасами наверху, убранными цветами, — другие колокольни и башни. Еще выше и дальше над зданиями перспектива закрывается довольно круто поднимающимся противоположным берегом реки, так-

же покрытым домами и усаженным деревьями. Солнце еще не печет, но хорошо греет и блестит очень ярко, отражаясь даже ослепительно от поверхностей мостовых и строений, на которых преобладают светлые цвета. Среди площади уже чувствуется оживление. Омнибусы перерезают ее в различных направлениях и порой раздаются рожки или свистки кондукторов; группа извозчичьих колясок столпилась в тени позади Баптистерия. Кучера в разноцветных куртках и клеенчатых цилиндрах болтают между собой или щелканьем длинных бичей привлекают внимание прохожих, предлагая услуги. Газетчики бегут, как угорелые, с кипами листов под мышкой, еще сырых, только что из-под станка: они разносят по киоскам любимые флорентийцами органы ежедневной прессы — “Nazione”, “Fieramosca”, неистово выкрикивая их названия. Мимо проходят с тележками торговцы фруктами и зеленью, также своеобразными возгласами призывая покупателей. На углах приютились любопытные, по большей части приземистые, горбатые или хромые фигуры комиссионеров в фуражках с бляхами и надписями (*faccino publico!*). Они занимают всевозможными профессиями, кроме хождения

по посылкам: чистят на улицах сапоги; вычесывают и моют собак; они часто продают газеты, даже древности; являются справочными бюро для отыскания меблированных комнат и квартир, почти адресными столами; — вообще это интересная разновидность флорентийского быта. В различных углах образуются кучки беседующих людей: это ремесленники, идущие на работу, или мелкие служащие, остановившиеся поговорить с приятелями перед утренней чашкой и сигарой в кафе. Все громко разговаривают и усиленно жестикулируют: итальянец экспансивен в словах и движениях; он склонен и позевать, стоя в свободные минуты на любимых площадях родного города. С улицы несется пестрый шум движущихся экипажей, металлический лязг из растворенных дверей уже работающих мастерских, оживленный гам людских голосов, с которыми иногда сливается пронзительный крик тут же бредущего нагруженного ослика... Звук незнакомого, но привлекающего вас города — как много в них одних уже заключается заманчивой тайны!

И. М. ГРЕВС. *Научные прогулки по историческим центрам Италии. Очерки флорентийской культуры* (1902). М., 1903, с. 13-14.

Б. ЗАЙЦЕВ

1920

518

Утро. Золотой свет, тонкой струйкой, сквозь зеленые жалюзи. В комнате полутемно, прохладно; мягкий и зеленоватый отсвет на стенах, трюмо, на каменном полу. На столике букет фиалок. Миловидная Мадонна над постелью. Мы в Albergo Nuovo Corona d'Italia во Флоренции, на углу Via Nazionale и Via del Ariento. Если откинуть жалюзи скромного Albergo, то увидишь Via del Ariento. Она в голубовато-золотистом утреннем дыму; уже проворные торговцы привезли свои тележки с овощами; булочные торгуют, продают цветы, толпа спует, все движется, живет, свистит, смеется. Пахнет светом, теплом, пригретыми овощами, острым запахом рынка Mercato Centrale, сигарой, случайным благовонием далеких гор... — и в глуби тонкой, изящной в простоте своей улицы, с легкими домами, над которыми выступают карнизы, — там, в глубине, в голубовато-туманном свете восстает красный купол San Lorenzo, с небольшой колоколенкой. Вставать, вставать! Нельзя терять светлого утра, дня радости и юности. Наскоро мы одеваемся и в небольшом салоне синьора Ладзаро, нашего хозяина, пьем кофе из огромных чашек. Молоко белеет в нем, пар идет; пахнет сладковатым, и слегка мещански все в са-

мом салоне, где встречаются, пьют кофе и беседуют провинциальные торговцы, адвокаты из Ареццо, нотариусы из Эмпольи. Сам синьор Ладзаро приветствует нас в нижнем этаже, за своей конторкой, в неизменной каскетке, ласково улыбаясь косым глазом. Солнце сбоку ударило и по нем и зажгло золотые пуговицы его куртки... Легкий зной охватывает на улице. Насупротив, в окне, прачки стирают, напевая песенку. Башмачник, с очками на носу, склоняется над подметкой рядом с нашим подъездом... Мы берем фунтик спелого винограда, и среди медников, чинящих кастрюли, парикмахеров, выбегающих наружу поболтать с бритвою в руке, пока намыленный клиент скучает за стеклом; среди булочников и фруктовщиков, мимо огромного, железного Mercato Centrale, где торгуют мясом, мимо цветочниц и Sale e tabacchi мы спешим к Сан-Лоренцо, к огромному красночерепичному куполу, вздымающемуся в глубине улицы.

Б. К. ЗАЙЦЕВ. *Флоренция. Видения* (1920) // Собрание сочинений в 7 тт. Петербург — Берлин, 1923, т. 7, с. 36–38.

СОБОР
САНТА-МАРИЯ
ДЕЛЬ ФЬОРЕ
(ДУОМО),
БАШНЯ ДЖОТТО

П. ТОЛСТОЙ

1698

Потом пришел к соборной церкви, которая называется итальянским языком Санта-Мария Фиоре, то есть Святая Марии Цветковой. Та церковь зело велика, а снаружи сделана вся из белого мрамору, а в белой мрамор врезываны черные каменя изрядными фигурами, и пропорциею та церковь сделана дивною. А внутри тое церкви убору никакого нет, только алтарь сделан изряд-

ною резною работою из алебастру, и помост в той во всей церкви сделан из розных мраморов изрядною же работою... У той соборной церкви сделана колокольня зело высокая, четвероугольная, предивною работою; резбы изрядные из белого и черного камней, и работа во всем зело субтелная и изрядная.

*Путешествие стольника П. А. Толстого
по Европе 1697-1699. М., 1992. С. 228.*

В. ЯКОВЛЕВ

1847

524

Собор Santa Maria del Fiore — одно из самых громадных и оригинальных зданий в Европе. Строители не шли за греками или римлянами, не подчинялись ни готическому, ни византийскому стилю; они дали простор своему, флорентийскому воображению. Эта мраморная гора воздвигалась с лишком полтора века. Огромные, совершенно гладкие стены сверху донизу выложены дорогами разноцветными мраморами, порфиром, офиолитом. Этот собор — свидетель эпохи богатства и деятельности Флорентийской республики. Приступая к постройке, Флоренция наслаждалась миром. Впрочем, и в смутные времена республики, когда общий интерес требовал единодушного содействия граждан для защиты от внешних врагов, для нового обширного коммерческого предприятия, или для каких-нибудь общественных построек, — ярость партий на время смиралась.

В. ЯКОВЛЕВ. *Италия в 1847 году.*
СПб., 2012. С. 461-462.

На предыдущем развороте:
Собор Санта-Мария дель Фьоре

Б. ЧИЧЕРИН

1859

Более всего привлекла меня внутренность флорентийского собора, в котором таинственный полумрак готических церквей соединяется с закругляющимся простором, свойственным храмам нового времени. Меня пленяла изящная простота линий, представляющая переход от остроконечной вычурности средневекового стиля к пышности и блеску св. Петра. Это истинный храм периода Возрождения, где выступают уже все основные элементы нового времени, но еще обвитые пленками, в каком-то смутном предчувствии, как бы предугаданные художественным чутьем. Только купол, расписанный Вазари, всегда приводил меня в негодование и портил гармонию впечатления.

525

*Воспоминания Б.Н. Чичерина.
Путешествие за границу. М., 1932, с.83.*

П. ЧАЙКОВСКИЙ

1878

526

Любите ли Вы здешний Duomo? Я его люблю до страсти; мне нравится его суровая простота, и потом, я в архитектуре не знаю ничего пленительнее Campanile.

Письмо Н. Ф. фон Мекк 26 ноября 1878 г.

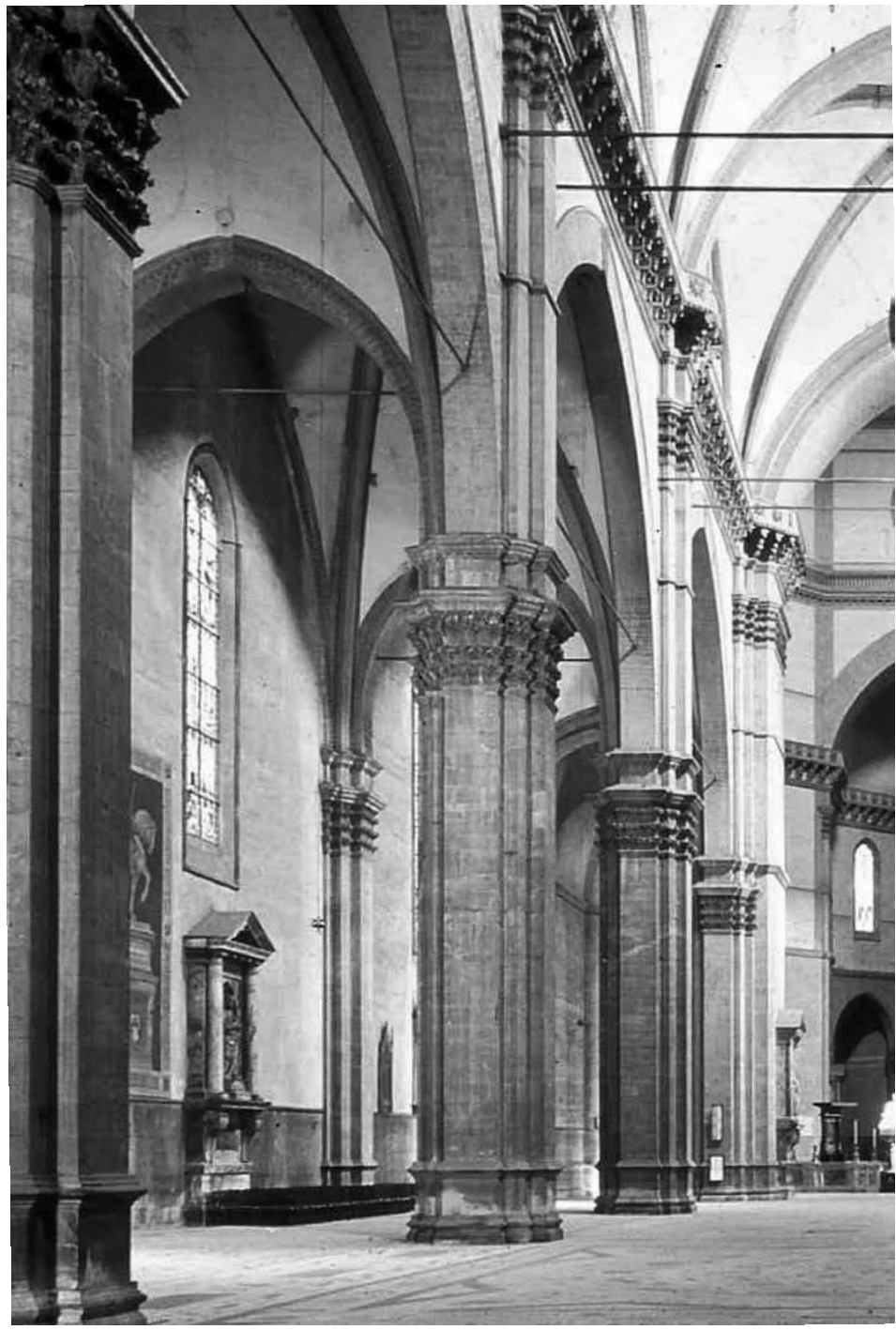
В. РОЗАНОВ

1901

Такое благополучие: едва приехал во Флоренцию, в пять часов утра, и, задыхаясь от усталости, счета денег и желания спать, все-таки выглянул на минуту в окно — как увидал чудеснейшую церковь, какую никогда не видал, и, недоумевая, спрашивал себя: “Да что такое, не в Милан же я попал вместо Флоренции”. У меня был адрес: “Piazza del Duomo”. Я не спросил себя, что такое “Duomo”, ехал от вокзала недолго, был уверен, что останавливаюсь в окраинной части огромного города, и, увидав белое кружево мраморной церкви, положенное как бы на черное сукно, пришел в отличнейшее настроение духа. “Ну, так и есть! Цветущая, *florens* — Флоренция”. И занул в самых радужных снах. Какая масса труда, заботливости, любви, терпения, чтобы камешек за камешком вытесать, вырезать, выгравировать такую картину, объемистую, огромную, узорную. В тысячный раз здесь в Италии я подумал, что нет искусства без ремесла и нет гения без прилежания. Чтобы построить “Дуомо”, нужно было начать трудиться не с мыслью: “Нас посетит гений”, а с мыслью, может быть, более гениальной и во всяком случае более нужной: “Мы никогда не устанем трудиться, ни мы, ни наши дети, ни внуки”. Нужна вера

не в мой труд, но в наш национальный труд, вследствие чего я положил бы свой камень со спокойствием, что он не будет сброшен, забыт, презрен в следующем году. Это-то и образует “культуру”, неуловимое и цельное явление связности и преемственности, без которой не началась история и продолжается только варварство. Как “Duomo” ярок, цветист, радостен снаружи, так внутри он меня порази́л бедностью, сухостью, темнотою. Небольшие окна, то круглые, розеткою, то длинные, почти лентою, унизаны синими, пунцовыми, реже желтыми, вообще темно-цветными стеклышками, почти не пропускающими света. Вы движетесь в совершенном мраке. Вдали горят немногие, редкие лампы. Это — царство духов, это — как на кладбище, где движутся фантастические огоньки. И храм почти пуст во время богослужения. В первый же раз, когда я вошел в него, за стеклянной, вполовину с деревом, перегородкой главного алтаря сидело на скамьях едва ли менее 80 патеров и вообще служителей и прямо кричало, орало, смелым, мужественным голосом молитвы, не замечая и не обращая внимания, что в церкви никого решительно, кроме меня, не было. Я всмотрелся за стеклянную перегородку. И патеры си-

дели почти в темноте. Но посередине на пюпитре лежала чудовищной величины развернутая книга, со словами и нотными знаками, длиной и толщиной, как цифры на стенных часах, и эта книга одна в целом соборе была ярко освещена сосредоточенным от абажура светом: по ней-то и пели патеры. И это их равнодушие к тому, что в церкви никого нет, и громкий голос, как бы счастливый одиночеством, как бы говорящий: “И никого не надо, одни проживем”, почти испугал меня и смутил: “Фу — как жрецы Ваала! и так же орут”. Я достоял до конца службы. Она тянулась долго, без красоты, монотонно в смысле однообразия. Наконец все кончилось. Что это за служба в порядке римского богослужения (было часа 4, а может быть, 6 пополудни) — я не знаю. Но они встали, немало не спеша, поводя плечами, как солдат, надевающий ранец, и пошли своей неусталой, крепкой походкой, грубо и твердо. Я перекрестился по-православному. Кое-кто посмотрел на меня в темноте. “Ты зачем тут? И тебя не надо, никого не надо. Мы одни тут и совершенно счастливы. Бог и мы”. Впечатление, как и повсюду, постоянно в Италии: “Ну, с ними довольно трудно заговаривать о соединении церквей”. Они сшибут вас с ног,

просто самым движением, бытием своим, раньше, чем вы успеете договорить первую фразу “предложения”; сшибут — и перейдут через вас, и пойдут к своим целям, и заорут, как здесь, что-нибудь грубое из Missalum <католический молитвенник>, без воспоминания о вас, без сожаления вас, потому что им нужно и хочется петь по этой огромной средневековой книге, как соловью слепому, который поет и упивается, и до мира ему нет дела, ни — до слушателей. Это — вера. Да, это тоже вера, не как наша теплящаяся, колеблющаяся, как огонь лампы, тихая, прекрасная, слабая — это другая, но тоже вера, законов которой мы не можем рассудить по совершенно особенным законам своей веры.

В. РОЗАНОВ. *Флоренция (1901)* // Итальянские впечатления. М., 1909, с. 211–213.

На предыдущем развороте:
Санта-Мария дель Фьоре. Интерьер.

И. ГРЕВС

1902

533

Кругом закипает дневная жизнь Флоренции; но прежде чем следовать по улицам за снующей мимо пестрой толпой, деловитой, но не суетливой, хорошо еще, поднявшись по лестнице, зайти ненадолго внутрь собора (il duomo). Входя, невольно еще один раз взглянешь на его пышный фасад: он слишком пестр, может быть, чересчур разукрашен; от него не веет почтенной стариной... но мрамор сам по себе манит и привлекает взор. Внутри прежде всего поражает громадность храма... Величественным кажется вошедшему страшно широкий главный корабль храма, накрытый четырьмя колоссальными крестовыми сводами, которые опираются на гигантские пиластры. В центре пересечения двух кораблей, продольного и поперечного, воздымается к небу огромный восьмиугольный купол, под которым расположен главный алтарь. Нельзя сказать, что сразу делается хорошо на сердце, когда впервые станешь под монументальными сводами. Неприятно действует прежде всего недостаток света, слабо проникающего сквозь узкие стрельчатые окна, которыми редко прорезаны широчайшие простенки. Затем еще того, кто бывал в готических соборах Франции и Германии и кто читал, что Santa Maria del fiore причисляется к произ-

ведениям того же архитектурного типа, расстраивают заметные противоречия архитектуры флорентийского собора с многими самыми характерными признаками “оживильного” стиля: стены, пиластры, колонны, купол — все это не подходит в нем к последнему. Чувствуется какое-то смешение приемов зодчества, выросших из разных корней, какое-то усилие приспособить к новой почве, к чуждому им содержанию формы, выработанные в иной среде, направленные к иным целям. Чувствуются несообразности, нарушения логики плана. Рядом с этим ощущается в храме неуютная нагота, и от него дышит некоторым холодом. Но пока это именно только “чувствуется”, в голове рождается вопрос: что такое итальянская готика?.. Думается, однако, что в эту первую прогулку во всяком случае общее впечатление грандиозности пересилит и здесь частные наблюдения недостатков. Оно и правильно, этого надо держаться: стараться сосредоточивать внимание на том, что несомненно и положительно хорошо; сначала надо увлечься, потом изучать и критиковать. Преодолев первую неловкость, приятно обойти обширный храм и внутри в кажущейся пустоте его увидеть несколько выдающихся художественных предметов.

И. М. ГРЕВС. *Научные прогулки по историческим центрам Италии. Очерки флорентийской культуры (1902)*. М., 1903, с. 20–21.

Б. ЗАЙЦЕВ

1920

535

От Сан-Лоренцо площадь Дуото, флорентийского Собора, недалеко. Эта площадь, как и Площадь Синьории, есть средоточие Флоренции, место фатальное в том смысле, как для Рима фатален Капитолий. Вся Флоренция возросла из краев этих... Санта-Мария дель Фьоре, Собор Флоренции, строился в четырнадцатом веке; кончен в пятнадцатом. Как все великие соборы, он детище страстей и столкновений, состязаний, интриг, побед для одних и поражений для других; но его облик — могучий, по-тоскански пестро-мраморный корабль с куполом красной черепицы, с кампаниллой легкой и летящей — этот облик есть таинственный Лик самой Флоренции; художники и зодчие и магистраты, создавая свой Собор, дали ему свое лицо, живое и собирательное, воплощенное и идеальное, сами того не ведая. Этот Собор вполне жив. Он даже говорит, всей внешностью своей — и очень внятно. Город, над которым он вознесся, уже не может быть ни Римом, ни Венецией и ни Миланом. Я меньше чувствую это внутри Собора; и его внутренность люблю меньше. Там тоже много флорентийского. Там есть Кастаньо, есть и Донателло, есть бюсты знаменитых флорентийцев, есть Микелино Данте пред кругами Ада. Все

же огромные, холодновато-оголенные аркады, своды, гулкость, тишина — скорей общеготическое, даже францисканское, чем флорентийское... Как бы там ни было, из Albergo нашего никуда не выйдешь, не пересекши площади Duomo. Редко пройдешь, не задержавшись около Собора; заглянешь и внутрь, в прохладу, гулкость; поглядишь на Бонифация VIII в митре, на огромного, на коне, Гонвуда; на изящный бюст Фичино. А потом пойдешь к Кампанилле — неизменно облегчение какое-то, и разрежение духовное от нее; можно взойти наверх, по крутой, витой лесенке. Это очень высоко; площадь как на плане оттуда виднеется, с белеющей крышей Баптистерия; совсем рядом красная, черепично-чешуйчатая громада купола соборного; а вокруг, далее, над шершаво-остро-коричневой Флоренцией с тонкими кампаниллами — голубоватые вуали воздуха, голубовато-фиолетовые горы, Арно серебряное, светлый туман, да с гор благоухание фиалок. Вольный ветер, музыка и благовоение. Светлый свет Тосканы.

Б. К. ЗАЙЦЕВ. *Флоренция. Видения* (1920) // Собрание сочинений в 7 тт. Петербург — Берлин, 1923, т. 7, с. 40-41.

БАПТИСТЕРИЙ

П. ТОЛСТОЙ

537

1698

По обеде пошел гулять и пришел перво к церкви Иоанна Предтечи (Баптистерию Сан-Джованни). Та церковь великая, сделана осмерогранная изрядною архитектурою и мастерством предивным; также и убор в ней хороший. На той церкви четверы двери великие; у тех дверей затворы поделаны медные, предивным мастерством высеканные; на тех дверях фигуры из меди, как бы из дерева вырезаны зело предивно.

*Путешествие стольника П. А. Толстого
по Европе. 1697-1699. М., 1992. С. 228.*

И. ГРЕВС

1902

540

Прямо перед собором на площади стоит старинный “баптистерий” во имя Иоанна Предтечи, одного из древнейших патронов города; в нем до сих пор крестят по обычаю предков рождающихся новых флорентийских граждан. Он кажется маленьким только сравнительно с массой соборного храма Св. Марии “с цветком”. Надо теперь подойти к нему, вежливо, но настойчиво отклоняя предложения проводников (*guida autorizzata*), которые здесь непременно окружают иностранца (*il forrestiere*), рассчитывая на поживу... Хорошо в первое же посещение взглянуть поближе в знаменитые бронзовые двери этого старого храма. Их трое: надобно изучать их в порядке древности — сначала северные, потом южные, наконец, восточные... Особенно сильно притянут к себе и заставят остановиться подольше третьи двери, чудо таланта Гиберти, которые Микельанджело недаром назвал достойными стать воротами рая. В десяти квадратных полях, на которые поделена их поверхность, представлены различные ветхозаветные события, начиная с сотворения мира и кончая временами Соломона. Сам художник в своих “Записках” хорошо поясняет, какую он преследовал задачу в этой работе: “Я старался, — говорит

На предыдущем развороте:
Баптистерий Сан-Джованни.

он, — всеми возможными для меня способами подражать природе, как в пропорциях отдельных частей, так и в перспективном построении общего плана каждой картины”... Надо было действительно много жить среди полей, часто вдыхать полной грудью живительные струи предрасветного воздуха, напоенного ароматами весны, приветствовать взорами появление зари, слушать и слушать песнь соловья, чтобы приобрести способность так творить и так толковать внешний мир. Нельзя представить себе, чтобы соприкосновение с описанным оригинальным памятником могло оставить человека равнодушным. Особенно русский, не привыкший среди своей бедной родной обстановки встречать такие чудеса, почувствует себя увлеченным. Это будет впечатление, от которого не сразу оторвешься; рассмотрев все картины, приятно будет присесть тут же в некотором отдалении перед “вратами рая” на ступеньки собора, подумать, собрать ощущения.

И. М. ГРЕВС. *Научные прогулки по историческим центрам Италии. Очерки флорентийской культуры (1902)*. М., 1903, с. 16-20.

Б. ЗАЙЦЕВ

1920

542

Какой тип осьмиугольного Сан-Джиованни, древнего Баптистерия Флоренции, на той же площади, насупротив Собора? Что это: храм Марса, древнехристианское создание IV века или церковь XI-го? Ученые об этом спорят, но одно бесспорно: как Собор, может быть, даже более, это священный палладиум города, уж во всяком случае, первобытный соборный храм, позднее уступивший место Санта-Мария дель Фьоре. И если загадочно его происхождение, то и детали туманны; знаменитые его купели, каменные углубления, о которых Данте поминает в XIX песне “Ада”, много задали труда и муки для дантологов... Немало минут проведено, с книжкой в руке, у дверей Баптистерия. Собственно, почему у дверей? Всесветно прославлены бронзовые рельефы их, но если сказать правду, этих рельефов так много, и так трудно все их оглядеть. Кажется, не очень много радости от сравнения стиля Пизано с Гиберти в молодости и с Гиберти зрелым, на Porta del Paradiso. Да и самая эта райская дверь при всей тонкости и виртуозности имеет нечто холодноватое, как бы зачаток академичности. Все же за что-то любишь их — и простого, грубоватого еще Пизано, и сухо-худощавого, изящного Гиберти! Подолгу

стоишь над медальонами, и тебя обдувает ветер, иной раз легенький вихрь налетит, и повеет пылью. Рядом, в пролетках, на худых, тощих лошадях дремлют красноносые извозчики в цилиндрах, с зонтиками, прикрепленными над козлами. Увидев, что достаточно уж ты насытился Гиберти и отходишь, красная, заспанная физиономия зашевелится и молча приподымет указательный свой палец — как подымает его Иоанн Креститель у Леонардо. Это значит, поедем, цена — лира.

Б. К. ЗАЙЦЕВ. *Флоренция. Видения* (1920) // Собрание сочинений в 7 тт. Петербург — Берлин, 1923, т. 7, с. 40–42.

ПЛОЩАДЬ
СИНЬОРИИ,
ПАЛАЦЦО
ВЕККЬО

544

Н. СТАНКЕВИЧ

1840

Лучшее место в городе площадь Del Gran Duca со статуей Козьмы I верхом, статуями Микель-Анджело, Бенвенуто Челлини и Gian Bologna, старым дворцом, зданием, которое называется Loggia dei Lanzi, с чудесными аркадами...

Письмо Т. Н. Грановскому 1 февраля 1840 г. из Флоренции.

А. ГРИГОРЬЕВ

1858

545

Милостивые государи! Помянул я площадь del gran Duca <старое название Площади Синьории>, — во мне возродилось желание страшное сказать о ней несколько слов, с полной, впрочем, уверенностью, что если вы ее не видели, то мой восторг от нее не будет вам понятен, а если видели, то приходили в восторг и без меня... А все-таки я даю себе волю. Потому что изящнее, величавей этой площади не найдете нигде — изойдите, как говорится, всю вселенную... потому что другого Palazzo vecchio — этого удивительного сочетания необычайной легкости с самую жесткой суровостью — вы тщетно будете искать в других городах Италии, а стало быть, и в целом мире. А один ли Palazzo vecchio... Вон направо от него — громадная колоннада Уффици, с ее великолепным залом без потолка, между двумя частями здания, с мраморно-неподвижными ликами великих мужей столь обильной великими мужами Тосканы. Вон направо же изящное и опять сурово-изящное творение Оркани — Лоджиа, где в дурную погоду собирались некогда старшины флорентийского веча и где ныне — mutantur tempora — разыгрывается на Святой флорентийская томбола!.. Вон налево палаццо архитектуры Рафаэля —

еще левей широкая Кальцайола, флорентийское Корсо, ведущее к Дуото, которого гигантский купол и прелестнейшая, вся в инкрустациях, колокольня виднеется издали. А статуи?.. Ведь эти статуи, выставленные на волю дождей и всяких стихий — вы посмотрите на них... Вся Лоджиа Орканьи полна статуями, — и между ними зелено-медный Персей Бенвенуто Челлини и похищение Сабинок... А вот между палаццо Веккио и Уффици могучее, хотя не довольно изящное создание Микель Анджело, его Давид, мечущий пращу, с тупым взглядом, с какою-то бессмысленною, неразумною силою во всем положении, а вон Нептун, а вон совсем налево Косма Медичис на коне, работа Джованни да Болонья. И во всем этом такое поразительное единство тона — такой одинаково почтенный, многовековый, серьезный колорит разлит по всей пьяцце, что она представляет собою особый мир, захватывающий вас под свое влияние, разумеется, если вы не путешествуете только для собирания на местах фотографических видов и не мечтаете только о том, что вы будете их показывать по вечерам в семейном или даже не семейном кружке... Если вы способны переходить душою в различные миры, вы часто будете ходить

на пьядцу del gran Dusa... Днем ли, при ярком сиянии солнца, ночью ли, когда месячный свет сообщает яркую белизну несколько потемневшим статуям Лоджии и освещает как-то фантастически перспективу колоннад Уффици... вы всегда будете поражены целостью, единством, даже замкнутостью этого особенного мира, — и когда вы увидите эту дивную пьядцу — чего я вам искренно, душевно желаю, в интересах расширения симпатий вашей души, — вы поймете, почему я перервал все рассуждения страницей об одном из изящнейших созданий великой многовековой жизни и человеческого гения.

А. ГРИГОРЬЕВ. *Великий трагик* (1858) //
А. Григорьев. Воспоминания. Л., 1980, с. 278-279.

А. ГЕРЦЕН

1867

550

Архитектуральный, монументальный характер итальянских городов, рядом с их запущенностью, под конец надоедает. Современный человек в них не дома, а в неудобной ложе театра, на сцене которого поставлены величественные декорации. Жизнь в них не уравнилась, не проста и не удобна. Тон поднят, во всем декламация, и декламация итальянская (кто слышал чтение Данта, тот знает ее)... Хроническая восторженность утомляет, сердит. Человеку не всегда хочется удивляться, возвышаться душой, быть тронутым и носиться мыслью далеко в былом, а Италия не спускает с известного диапазона и беспрестанно напоминает, что ее улица не просто улица, а что она памятник, что по ее площадям не только надобно ходить, но должно их изучать. Вместе с тем все особенно изящное и великое в Италии граничит с безумием и нелепостью — по крайней мере, напоминает малолетство... Piazza Signoria — это детская флорентийского народа: дедушка Буонаротти и дядюшка Челлини надарили ему мраморных и бронзовых игрушек, а он их расставил зря на площади, где столько раз лилась кровь и решалась его судьба — без малейшего отношения к Давиду или Персею...

А. ГЕРЦЕН. *За Альпами // Былое и думы.*

На предыдущем развороте: Площадь Синьории (фото конца XIX в.)

И. ГРЕВС

1902

Ниже От San Michele улица Кальцайоли скоро выходит на гладко вымощенную площадь неправильной формы, не очень большую по величине, но весьма знаменитую по своему историческому значению. Это всем известная — по крайней мере, номинально — piazza della signoria, древний “forum” свободной Флоренции, центр ее политической жизни в средние века и в эпоху Возрождения и главная сцена сопровождавших ее общественных бурь. Она не производит сразу того цельного, гармонично-прекрасного впечатления, каким немедленно побеждает приезжего площадь св. Марка в Венеции; она не может выдержать сравнения с колоссально-величественной площадью св. Петра в Риме. Она нескладна по конфигурации, лишена симметрии в своем плане, в расположении и архитектуре окружающих ее зданий. Но кто знает немного прошлое Флоренции и сумеет быстро освоиться с топографией города, тот скоро проникнется ощущением, что тут действительно должен был биться пульс ее старой жизни... С piazza della signoria постоянно приходится иметь дело историку Флоренции. Она была местом избирательных кампаний и ареной революций. На ней происходили религиозные церемонии и обще-

ственные празднества — скачки, процессии; здесь же совершались публичные казни: костер Савонаролы воздвигнут был именно там, где теперь стоит фонтан Нептуна. Это настоящее “centro della citta”. И теперь еще по утрам каждую пятницу вся площадь наводняется сельскими жителями окрестностей города, являющимися на своеобразный базар устраивать свои материальные дела. Нынешняя толпа гораздо менее живописна, чем старая, интересы ее более мелки. Но все же эти собрания полны оживления, и усилиями воображения можно представить себе по ним взволнованные картины драматической старины: как бы то ни было, но в жилах этих “contadini”, грязно и бедно одетых, торгующихся из-за вина и масла, течет итальянская кровь... Замок, который прежде всего поражает взгляд каждого, входящего на piazza della signoria, и к которому невольно тянет подойти, — это старая флорентийская городская ратуша, palazzo vecchio, служившая одновременно, как всегда в средневековой Италии, и думой, и тюрьмой, и кремлем (цитаделью)... История palazzo vecchio поучительна: на его назначениях отразилась вся изменчивость судеб Флоренции. Сперва он служил местопребыванием

приоров (signori) флорентийской коммунальной республики в средние века; с XVI века являлся официальной резиденцией герцогов Медичи, а потом государей из лотарингского дома; в 60-х годах XIX века там недолго заседал, в ожидании занятия Рима, парламент объединившегося итальянского королевства; наконец, теперь величественные своды седого почтенного старца дают приют различным канцеляриям нынешнего муниципального самоуправления. Какая смена ролей, и как должны были пестро чередоваться внутри palazzo vecchio сцены героического и бурного республиканского величия, монархической чопорности и повседневной деловитости местной жизни современного города!

И. М. ГРЕВС. *Научные прогулки по историческим центрам Италии. Очерки флорентийской культуры* (1902). М., 1903, с. 30–31.

Б. ЗАЙЦЕВ

1907

556

По улице Calzaioli в плавном зное попадем на площадь Синьории; каждый раз, подходя, спрашиваешь себя: где ее очарованье? В чем? И всегда сердце светлеет — что-то прекрасно-ясное есть в этой лоджии Орканья, колоссальном крытом балконе на уровне земли, с целым народом статуй; тут, на вольном воздухе, собрались детища великих скульпторов, отсюда приоры обращались к народу, это какая-то агора Флоренции, нечто глубоко художественное в единении с простонародным; будто семейный очаг города. И сейчас у подножия статуй мальчишки играют в палочку-постучалочку, сидят разные итальянцы, говорят вечные свои разговоры о чинкванта чинкве чентезими. Наискось дворец Синьории; и опять дух утренних холмов, прохлады, благородства в этом простом здании, дышащем средневековьем, сложенном из грубо-серых камней; в тонкой башенке наверху, в статуях у входа, геральдическом льве Магзоссо, мраморном детище Донателло: лапой он придерживает щит с лилиями Флоренции. И даже огромные фонтаны, дело позднейшего барокко, изливают себя с той же царственно-флорентийской простотой... А в двадцати шагах жгли Савонаролу. Не раз бывало во Флоренции: был

На предыдущем развороте:
Палаццо Веккьо. Зал Пятисот.

властелин, завтра растерзан. Но ныне огромная медаль выбита там, и в день годовщины, в середине мая, груды венков и цветов утишают боль этого сердца; дивные розы Флоренции и Фьезоле окаймляют его носатый профиль; профиль того, кто при жизни топтал их, но велико погиб и вызвал удивление и восторг веков.

Б. К. ЗАЙЦЕВ. *Флоренция. Молодость* (1907) // Собрание сочинений в 7 тт. Петербург; Берлин, 1923, т. 7, с. 30-31.

М. ОСОРГИН

1923

558

Во Флоренции я был не менее двадцати раз. И всегда с вокзала, отправив вещи в отель, шел пешком на Piazza Signoria. За то ли, что и сейчас я верен себе, — но только случается чудо: Флоренция чарует прежним очарованием. Профиль башни Palazzo Vecchio четок и выразителен, как музыка. Арно унизан береговыми огнями. Лоджия — как опустевшая сцена мистерии. Нелепый Бьянконе, окруженный блестящей бронзой черных фигур, художественно-ужасный, зверски-добродушный Геркулес, колоссальная кисть правой руки Давида, и Персей, и статуэтка Донателло — все это слилось в изумительную гармонию, нарушить которой не в силах ни стойки кафе, ни проезжий извозчик, ни подъехавшая группа велосипедистов, явных агентов наружной охраны.

М. Осоргин. *Ave Maria* (1923) // Там, где был счастлив. Париж, 1928, с. 106.

ГАЛЕРЕЯ УФФИЦИ

П. ТОЛСТОЙ

559

1698

Потом пришел в одно место, где сделана одна широкая улица, а по сторонам той улицы поделаны дома великие изрядною архитектурю. Тут построены предивные палаты: внизу юстици, то есть приказы; а на нижних палатах поделаны еще вверх два жилья, палаты ж изрядные, которые называются по-флоренску галлярия. В тех палатах лежат Флоренскаго княжества древние всякие вещи предивные. В конце тех палат чрез улицу сделаны из палат в палаты переходы широкие, изрядным мастерством построены и резбами алебастровыми изрядными убраны.

*Путешествие стольника П. А. Толстого
по Европе 1697—1699. М., 1992. С. 231.*

Н. ДЕМИДОВ

1773

560

Наслышавшись много хорошего о флорентийской галерее, начали с нее осматривать. Сия галерея принадлежала прежде дому де Медицис и есть наиславное, богатое и многочисленное собрание в свете древних статуй, бронзов, золотых и серебряных медалей, драгоценных картин, из серебра, золота и из слоновой кости сделанных вещей; не говоря о других натуральных редкостях. В ней все достойно примечания, ибо в два цветущие века дом Медицис старался наполнить ее всеми сокровищами. При самом входе в галерею находится великое собрание гробниц, барельефов и древних надписей, в стены вделанных. Против дверей гладиатор, держащий в одной руке меч, а в другой щит. Он представлен отбивающим удар соперника. Сей остаток древности, стоящий смотрения. В простенках флигелей и главного строения поставлены в симметрию 58 статуй, 3 группы и 8 древних бюстов; они все почти сделаны из мрамора. Потом вошли в осьмую залу, которая освещена осьмью окошками, сделанными под сводами, чтоб лучше видимы были поставленные здесь вещи. Плафон сделан куполом и убран перламуттером, стены обиты малиновым бархатом. При самом входе представились шесть греческих из белого

мрамора статуй, с которых у многих охотников имеются слепки... Позади сих преславных статуй находится несколько маленьких антиков из агатов, яшмы, карниолей, или сердоликов, и протчих крепких камней, весьма искусно сделанных... На балюстраде поставлены маленькие фигуры, сделанные из порфира, ясписа <яшмы>, восточного хрусталя, и довольно число медных, из которых лев, терзающий лошадь, сделан отменнее прочих. В сей же зале находится шкаф, составленный из разных камней, как-то: топазов, яхонтов, сапфиров и изумрудов. Наверху оного поставлена жемчужина чрезвычайной величины; сей шкаф убран четырнадцатью колоннами из дорогого ж камня ладзули <лазурита>, которых базы и капители сделаны из чистого золота; сверх того он украшен золотыми барельефами, тщательно и искусно сделанными. В нем сохраняется собрание древних вырезанных камней и других вещей, между ими есть бюрза величиною с яйцо, какой больше и лучше мы нигде не видали. Здесь находятся еще два шкафа, наполненные вазами, сделанными из кристалль дероша <горного хрусталя>. Здесь имеются также разные математические инструменты, тщательно сделанные, два глобуса редкой

величины и металлическое большое зеркало, посредством коего можно делать разные опыты. Кабинет художеств составляет четвертую горницу, содержащую в себе многие шкафы, наполненные слоновой кости точеною и резною искусною работою... Также множество древностей римских, как-то: сосуды для жертвоприношения и домашнего употребления, найденные в Сиене. Сие любопытное собрание содержит отчасти такие же вещи, какие найдены в Геркуланум, только не столь много. Девятая зала вся наполнена древним и редким японским и китайским фарфором, между которым есть вазы зеленого фарфору, весьма здесь почтенные, и довольно количество этрусских, достойных примечания по их формам; также множество вазов египетских, нарочито хороших. А десятая горница перегорожена начетверо и вся наполнена шишаками и латами для людей и лошадей всех народов, с разными военными орудиями. Внизу под галерею имеется библиотека и Академия живописи, скульптуры и архитектуры.

*Журнал путешествия его высококородия
господина статского советника Никиты Акинфиевича
Демидова по иностранным государствам. Москва, 1786.*

Портики галереи Uffizi.

Впереди — Palazzo Vecchio (фото конца XIX в.).

Ф. БУСЛАЕВ

1864

564

Не без опасения шел я в галерею Уффици. В мое старое время галереи Питти, Уффици и Академии художеств были настоящие университеты для искусства: колоссальная мастерская, где десятки художников толпились около знаменитых оригиналов и списывали копии; сотни англичан и других северных варваров, с книжками в руках, прилежно учились у флорентийцев чувствовать изящное и понимать, что хорошо и что не хорошо. Что-то найду теперь? — с боязнью спрашивал я себя. Напитавшись всякою современностью с берегов Невы, я едва не начал убеждаться, что итальянская революция, Гарибальди и гарибальдийцы составят новую эпоху для всего умственного и художественного горизонта Италии и что здравый смысл и практический дух нашего времени избавят, наконец, человечество от заблуждений фантазии, называемых изящным искусством и столько веков лелеявших его разными фресками с барельефами в церквах и религиозными восторгами Умбрийской, Ломбардской и Тосканской школы. Мои уши начинали было уже терпеливо выслушивать, когда мне говорили, что религиозная живопись оных отдаленных времен никуда уже для нас не годится; и теперь, нахо-

дьясь во Флоренции, где эти старые грехи у всех на виду, воочию, по галереям и церквям, я, естественно, стремился дознаться, точно ли наконец и здесь, перед судом лучших современных живописцев, знатоков и любителей, какой-нибудь Джотто или Беато Анджелико решительно преданы забвению, когда давным-давно даже на берегах Невы они уже по достоинству осмеяны и освистаны, а любитель религиозной живописи и отсталый пошляк — стало одно и то же; а вы хорошо знаете, мы, русские, отсталости больше всего боимся. Вхожу. Та же толпа и та же давка. Опять около Мадонн Рафаэля и Корреджио не пройдешь от толпы копирующих живописцев. В длинном коридоре будто тот же самый старичок, что был тогда, в истертой шинели, сидит и пишет миниатюры на слоновой кости, а у него на столе для продажи маленькие копии и с Рафаэля, и с Фра Бартоломея, и все Мадонны, Распятия, Благовещения и всякие другие святости. Глазам не верится! Двадцати лет будто не бывало!

Ф. И. БУСЛАЕВ. *Флоренция в 1864 году* // Мои досуги. М., 1886, ч. 1, с. 195-199.

И. ГРЕВС

1902

566

На самой piazza della signoria начинается знаменитое palazzo degli Uffizi. Это обширное сооружение в три этажа, которые поднимаются над высоким rez-de-chaussée (первым этажом) с крытым портиком, поддерживаемым попеременно дорическими колоннами и пилястрами. Оно тянется перед нами длинным коридором-улицей; с двух сторон солидно и спокойно поднимаются его простые, гладкие стены, заканчивающиеся в верхнем ярусе эффектной, сплошной, теперь застекленной лоджией, залитой светом. Впереди, в глубине перспективы, оба крыла соединяются смелой аркой-галереей, перекинутой, как висящий высоко в воздухе мост, с одной стороны улицы на другую. По бокам в нишах у пилястров двумя рядами выстроились мраморные статуи знаменитых тосканцев — ученых, писателей, поэтов, художников, политиков разных времен. Тут можно видеть Никколо Пизано и Донателло, Джотто, Леонардо да Винчи и Микельанджело, Данте, Петрарку и Боккаччо, Акурсио и Макиавелли, Америго Веспуччи и Галилея; рядом с ними Козимо и Лоренцо Медичи и др. Немногие даже великие державы в состоянии развернуть перед зрителем длинную и блестящую галерею предков такого полета. Описываемое

здание выстроено в конце XVI в. Вазари, который очень почитался в свое время как живописец и архитектор, но нам более ценен своими биографиями флорентийских художников времен Возрождения, чрезвычайно важными для истории искусства. Он выполнил свою задачу без вдохновения, но со знанием дела и большой практичностью: здание нравится именно своей целесообразностью. Козимо I Медичи, герцог флорентийский, пожелал, чтобы здесь под одной крышей были помещены все главные правительственные учреждения, и произведение Вазари образует действительно нечто вроде гигантского делового улья, в многочисленных ячейках которого кипела административная работа, поддерживавшая сложную политическую жизнь государства, небольшого, но запутанного в целую сеть отношений. Хоть и нет в описываемом строении истинной красоты, но, в конце концов, к нему нельзя не привыкнуть и не привязаться: слишком много важного связано с palazzo degli Uffizi для изучающего Флоренцию. Здесь помещается национальная библиотека и, что особенно существенно, самый богатый музей, где хранятся коллекции древностей и художественных предметов всевозможных видов.

И. М. ГРЕВС. *Научные прогулки по историческим центрам Италии. Очерки флорентийской культуры* (1902). М., 1903, с. 34-35.

П. МУРАТОВ

1911-1912

568

Когда, вдали от Флоренции, вспоминаешь ее, то не всегда перед душевным взором возникают чистые дали Фьезоле, или светлые фрески Марии Новеллы, или созерцательные монастырские дворы Сан-Марко и Санта-Кроче. Иногда также воображение охотно останавливается на несколько холодной, мутно-желтой или даже зеленоватой перспективе Уффици. Ведь это тоже Флоренция, один из важнейших ее образов. Но это не век Данте и не кватроченто, это — XVI век, время, когда умирала Флоренция. Не только свобода ее умирала тогда, но угасала ее великая, щедрая творчеством душа. В этом здании, построенном герцогом Козимо для размещения государственных канцелярий, архивов и присутственных мест, собрано теперь духовное наследство Флоренции — ее книги, ее картины. В силу странной случайности оно было основано как раз тогда, когда настала эпоха собирания и изучения. По плану Вазари Уффици сообщались коридорами с обоими дворцами, с Палаццо Веккио и Палаццо Питти. Эти коридоры были необходимы герцогу Козимо, доверявшему во всех делах только собственному глазу. Они существуют и теперь. В воскресенье мирная толпа переливается по узким ко-

ридорам и лесенкам из галереи Уффици в галерею Питти, заглядывая в маленькие оконца, чтобы посмотреть сверху вниз на Понте Веккио, равнодушно удивляясь бесчисленным потемневшим портретам фамилии Медичи. Этот переход придает галерее Уффици какую-то особенную прелесть. В других галереях можно ценить стройность научно-исторического расположения. Здесь об этом не хочется думать. У этого места есть свой дух, свое особенное значение. Длиннейшие светлые галереи, такие бесстрастные и строгие, настраивают серьезно. Из одних окон видно превосходно рассчитанную перспективу карнизов с башней Палаццо Веккио в конце, из других — течение Арно. В этом есть своя красота, не совсем чужая к тому же красоте старых флорентийских церквей и лоджий Брунеллески.

П. П. Муратов. *Флоренция. Бронзино и его время*
(1911-1912) // *Образы Италии*. М., 1994, с. 137.

ЦЕРКОВЬ САНТА-КРОЧЕ

570

В. ЯКОВЛЕВ

1847

Незадолго до сумерек я пришел на обширную площадь, где шумела разноцветная воскресная толпа. Передо мной — мрачный, недовершенный фасад собора Св. Креста, Santa Croce: громадная стена из почерневшего кирпича, лишенная всяких орнаментов; только на часть основания накинута край одежды из черного и белого мрамора. Это общая участь церквей в Италии, достигнутых, во время построения, реформацией. Храм Santa Croce — пантеон великих людей Тосканы. Не без глубокого волнения в душе шагал я по каменному помосту, под которым почил столько гениев. Последний отблеск солнца золотил яркие краски готических окон; библейские сцены, написанные на стеклах, на миг становились действительностью. Но высокие стрелки аркад и стропила уже терялись в сумраке. Редкий храм

так располагал меня к благоговейной думе. Здесь Божество — посреди избранных своих созданий... Какие имена! Не одни тосканцы, но каждый поклонник науки и искусства имеет право гордиться этими достойнейшими представителями человечества. Здесь, посреди этих гробниц, в уме вашем восстанавливается доброе мнение о человечестве, так часто помрачаемое жалкими явлениями современности... Боже мой, каких могучих и светлых людей производила Флоренция! И здесь, в соборе Santa Croce, далеко не все ее граждане: они рассеяны по другим церквам. Всем вместе им было бы тесно в тосканском пантеоне... Я был один в этом огромном, потемневшем храме. Нога моя попирала могильную плиту с рельефным изображением какого-то усопшего; тяжелые мысли стесняли мое сердце, и вдруг, посреди этой глубокой тишины, раздался звук как будто цепей... Я вздрогнул, оглянулся. Старый ключарь, улыбаясь, бряцал связкою ключей... Время было записать собор...

